

Б.А.Мантиков

КОНСЕРВАТИЗМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: МЕЖДУ НОСТАЛЬГИЕЙ И УТОПИЕЙ

Ключевые слова: консерватизм, постсоветская Россия, массовое сознание, идеология, традиция

Первые годы XXI в. в России были отмечены мощным сдвигом общественных настроений в сторону консерватизма. За «лихие девяностые» значительная часть населения нашей страны успела разочароваться в навязывавшихся властями «либеральных» идеологемах, в результате чего в массовом сознании возник запрос на консервативные установки — стабильность, порядок, социальный патернализм, сильную государственность. Сходные тенденции прослеживались и в российской элите. Весьма символично, что в своей программной статье «Россия на рубеже тысячелетий», опубликованной в «Независимой газете» 30 декабря 1999 г., В.В.Путин выделил в качестве опорных точек консолидации российского общества такие традиционные ценности, как патриотизм, державность, государственничество, социальная солидарность¹. Впоследствии консерватизм был провозглашен идеологией партии «Единая Россия», уже много лет доминирующей в Государственной Думе. Таким образом, первое десятилетие XXI в. в каком-то смысле стало временем российского консервативного ренессанса.

¹ Путин 1999.

Но, несмотря на явный разворот российского общества и политической элиты к консерватизму и рост интереса исследователей к этому идейно-политическому течению, отечественный консерватизм все еще остается в значительной степени непонятым феноменом. Да и среди самих консерваторов нет консенсуса в отношении того, что считать аутентичной российской традицией и что в современном российском обществе нуждается в консервации. Неудивительно, что внутри отечественного консерватизма существуют разные направления, отличающиеся и по своему происхождению, и по тому, как они интерпретируют основные ценности и установки консервативной идеологии.

Так, на рубеже 80—90-х годов прошлого века в результате самоорганизации граждан консервативных воззрений возник «низовой», «спонтанный» консерватизм; позднее появился конструируемый «сверху» номенклатурный консерватизм (представленный такими организациями, как «Наш дом — Россия», «Отечество», «Единая Россия»).

«Спонтанный» консерватизм тоже был далеко не однородным. Некоторые из его сторонников, например, безоговорочно отвергали коммунизм, в то время как другие полагали, что тот органически вписывается в российскую общинно-коллективистскую и этатистскую традицию. Среди отечественных консерваторов были (и есть) сторонники монархии и республики, этатизма и рынка, национализма имперского и национализма русского, почитатели П.А.Столыпина и И.В.Сталина... И тем не менее всем им присущ ряд общих мировоззренческих (а в какой-то мере и психологических) установок, позволяющих отнести их именно к консервативному, а не к либеральному или социал-демократическому лагерю.

В настоящей статье предпринята попытка выявить характерные черты постсоветского российского консерватизма, дать типологию основных его течений и проанализировать их ключевые идеологические ориентиры. Источниковой базой исследования послужили как работы консервативных философов и публицистов, так и программные документы отечественных консервативных партий и выступления их лидеров и идеологов.

От дореволюционного к постперестроечному консерватизму

Традиция консервативной мысли в России насчитывает почти два столетия. У ее истоков стояли Н.М.Карамзин, С.С.Уваров, М.П.Погодин, классики славянофильства (А.С.Хомяков, И.В.Киреевский, К.С.Аксаков), позднее различные варианты консервативных идей развивали Н.Я.Данилевский, К.Н.Леонтьев, М.Н.Катков, К.П.Победоносцев и др. Уже в XIX в. отечественными консерваторами были сформулированы главные ценностные ориентиры русского консерватизма — нация, идеалы православия, сильное централизованное государство, семья, приоритет духовных ценностей перед материальными, социальная солидарность (соборность), вера в самобытный (незападный) исторический путь России и ее всемирное призвание, неприятие либерализма и рационализма, а также весьма негативное отношение к радикально-западнической интеллигенции. Позднее оригинальный вариант философии либерального консерватизма предложили авторы знаменитого сборника «Вехи» (1909) — Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, П.Б.Струве, С.Л.Франк и др.

После Октябрьской революции 1917 г. российская консервативная мысль несколько десятилетий могла свободно развиваться только в эмиграции. Здесь в отечественном консерватизме выкристаллизовались два основных течения — «белое», непримиримо антикоммунистическое, и более левое «пореволюционное». Если для правых консерваторов революция 1917 г. была национальной катастрофой и полным разрывом с историческим прошлым России², то консерваторы «пореволюционного» толка признавали национальный характер революции и укорененность большевизма в российской традиции. Взгляды левых консерваторов нашли отражение в знаменитом сборнике «Смена вех»

² См. Ильин 1992; Струве 1999.

(Прага, 1921 г.), а также в концепции национал-большевизма, выдвинутой проживавшим в Харбине философом и публицистом Н.В.Устряловым³.

³ См. Устрялов 2003.

Медленное и трудное возрождение консервативной мысли началось в России в 1960—1970-е годы. Именно тогда в стране стал формироваться нелегальный правый консерватизм («правое диссидентство»). «Правые диссиденты», как правило, опирались на наследие русских консервативных философов XIX — начала XX в. — славянофилов, Леонтьева, Ф.М.Достоевского, Бердяева. Консерваторы этого толка обвиняли советский режим в разрушении русских традиций, религии, семьи, уклада жизни, подрыве духовно-нравственных ценностей народа. С их точки зрения, тоталитарное и атеистическое правление КПСС вело к деградации русского этноса. Наиболее известным выразителем этой позиции был А.И.Солженицын⁴. Вместе с тем в 70-е годы прошлого века в РСФСР существовала и иная версия консерватизма, переплетавшаяся с национал-коммунизмом. Ее сторонники видели в Октябрьской революции 1917 г. и коммунизме воплощение русской самобытности и русских идеалов, а Сталин нередко рассматривался ими как выдающийся национальный вождь. И если «правые диссиденты» чаще всего были православными русскими националистами, то для национал-коммунистов приоритетами являлись государственная мощь и имперская идея.

⁴ См. Солженицын 2004а, 2004б, 2004в.

В то время как первая разновидность консерватизма вплоть до перестройки жестко преследовалась властями (достаточно вспомнить судьбу Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН) или самиздатского журнала «Вече», редактировавшегося В.Н.Осиповым), левые консерваторы имели возможность выражать свои взгляды в ряде советских официальных литературных журналов («Молодая гвардия», «Наш современник» и др.). Заметный вклад в формирование идеологии отечественного консерватизма в 1970—1980-е годы внесли также писатели почвеннического направления (нередко именуемые «деревенщиками») — В.И.Белов, В.Г.Распутин, В.П.Астафьев и др., произведения которых отразили разрушительное влияние коллективизации, индустриализации и урбанизации на традиционный уклад жизни.

Легальное возрождение консерватизма в России пришлось на эпоху перестройки. Благодаря отмене цензуры в конце 1980-х годов на страницах журналов «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Кубань» и газеты «Литературная Россия» начали публиковаться не только ранее запрещенные труды русских консервативных мыслителей XIX—XX вв., но и произведения современных философов и публицистов, причислявших себя к этому идеологическому течению. Кроме того, либерализация советского режима открыла возможности для создания различных, в том числе и консервативных, общественно-политических организаций.

Важно отметить, что у истоков возрождения почвенно-консервативной мысли в годы перестройки стояли в основном писатели и литературные критики, а центрами ее кристаллизации были «толстые» литературные журналы. Это обстоятельство наложило заметный отпечаток на облик российского консерватизма — его отличительной чертой стала «литературоцентричность».

**Характерные
особенности
посткоммуни-
стического
консерватизма**

Та версия консерватизма, которая сформировалась в России в перестроечные и постперестроечные годы, в немалой степени была продолжением давней интеллектуальной традиции российского консерватизма. Существенное влияние на нее оказали труды славянофилов, Данилевского, Леонтьева, Достоевского, евразийцев, И.А.Ильина. Другим источником современного русского консерватизма стал нелегальный и полуправильный консерватизм 1960—1970-х годов, яркими проявлениями которого были не только ВСХСОН или журнал «Вече», но и повести писателей-«деревенщиков», а также статьи литературных критиков из «Нашего современника». Как вполне обоснованно отмечает С.А.Шестаков, «идеи, зародившиеся в кругах „правого диссидентства“, во многом стали основой современного идейного корпуса национально-патриотического направления в постсоветской консервативной идеологии»⁵.

⁵ Шестаков 2003: 49.

Вместе с тем постсоветский российский консерватизм унаследовал ряд черт отечественного консерватизма более раннего времени.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что различные «волны» российского консерватизма обычно возникали как реакция на какие-либо крупные исторические потрясения. Так, охранительный консерватизм Карамзина стал откликом на Французскую революцию и якобинский террор. Консерватизм русской эмиграции был реакцией на Октябрьскую революцию 1917 г. Точно так же и современный российский консерватизм возник как реакция на драматические события 1990-х годов — распад СССР и начало в 1992 г. радикальных социально-экономических реформ, которые, по мнению многих отечественных консерваторов, были нацелены на слом российской национально-культурной и духовной идентичности.

Сходство российского консерватизма 1990-х годов со славянофильским консерватизмом середины XIX в. состоит также в том, что в обоих случаях традиция, которую консерваторы пытались сохранить, была уже в значительной мере разрушена и находилась на грани исчезновения. «Строго говоря, старомосковская политическая и культурная традиция к началу XIX в. во многом была безвозвратно утрачена, — констатирует Э.Г.Соловьев. — Все попытки ее реконструкции неизбежно приобретали характер искусственных построений»⁶. Сходным образом в 1990-е годы дело обстояло и с российской дореволюционной традицией, ведь на протяжении советского периода коммунистическое руководство стремилось аннигилировать религиозные чувства, истори-

⁶ Соловьев 1997: 146.

ческую память и национальное самосознание — и немало в этом преуспело. Таким образом, аутентичная (дореволюционная) российская национально-культурная традиция к началу 90-х годов прошлого века лежала в руинах, а возможно ли было в ее качестве рассматривать советскую традицию — с этим у приверженцев отечественного консерватизма не было ясности. Правые и левые консерваторы, естественно, отвечали на этот вопрос совершенно по-разному. Впрочем, и сам раскол постсоветского российского консерватизма на два основных направления — правое («белое», антикоммунистическое) и левое, трактующее СССР как форму существования исторической России, не является чем-то принципиально новым. Как уже упоминалось, эти течения были и в русской эмиграции, и среди отечественных консерваторов 1960—1970-х годов.

Если славянофилы идеализировали допетровскую Русь, то современные российские консерваторы нередко мифологизируют Российскую империю (правые) или Советский Союз (левые). Как подчеркивает С.М.Сергеев, нынешние «белые» патриоты «„Россию, которую мы потеряли“, никогда не видели воочию, она возникла в их воображении как прекрасная греза», противопоставляемая вначале советскому, а потом постсоветскому режиму⁷. Неудивительно, что мировоззрению многих национал-консерваторов, находящихся «под обаянием ретроспективной утопии возрождения дореволюционной России»⁸, присущи реакционно-романтические черты. Точно так же они характерны и для взглядов левых консерваторов, усматривающих в Советском Союзе торжество традиционных, соборно-государственных начал русской цивилизации.

Дополнительную сложность в изучение посткоммунистического российского консерватизма вносит то обстоятельство, что политикомировоззренческие установки ряда отечественных консерваторов на протяжении 1990—2000-х годов претерпели серьезные изменения. Некоторые из представителей этого лагеря эволюционировали в сторону правого радикализма. Другие же, напротив, из «белых» патриотов превратились в «красных». Эту особенность отечественного консерватизма также необходимо иметь в виду, анализируя идеологические построения его сторонников.

Правое и левое направления в российском консерватизме

Важнейшее размежевание в российском посткоммунистическом консерватизме проходит между правым и левым вариантами этой идеологии. В соответствии с удачным определением Сергеева, правые, или «белые», консерваторы (национал-консерваторы) — это «люди, принципиально отрицающие советский период истории России, но не с либерально-демократических, а с государственно-патриотических позиций и видящие будущее нашего Отечества в реставрации основ (а иногда и внешних форм) дореволюционной жизни»⁹.

⁷ Сергеев 2010: 16—17.

⁸ Там же: 16.

⁹ Там же: 13.

С известной долей условности можно сказать, что «белые» консерваторы продолжают славянофильскую, православно-русскую духовную и интеллектуальную традицию. Внимание современных правых консерваторов — как и «классических» славянофилов — приковано в первую очередь к проблеме русской идентичности, культурных и религиозных особенностей русского народа, а также их защиты от чуждых влияний. Можно вполне согласиться с Шестаковым, что «главной объединяющей чертой этого (национал-патриотического — *Б.М.*) консервативного направления является русский национализм», под которым понимается «система взглядов, представители которой опираются на национальные ценности и отстаивают их»¹⁰. Согласно воззрениям правых консерваторов, основой русской цивилизации выступает православие. Консерваторы этого типа, как правило, сторонники сильного государства, однако для них оно не самодовлеющая ценность. По словам лидера Российского христианского демократического движения (РХДД) В.В.Аксючица, государство «является лишь историческими одеждами народа, защищающими национальный организм»¹¹.

¹⁰ Шестаков 2003: 46. Собственно, именно поэтому термин «национал-консерватизм» и используется в данной статье как синоним правого направления в отечественном консерватизме.

¹¹ Аксючиц 2002.

К мыслителям правоконсервативного направления относятся А.И.Солженицын, И.Р.Шафаревич, А.С.Панарин, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, В.В.Аксючиц, В.Н.Осипов, Н.А.Нарочницкая, А.С.Ципко и др. Правоконсервативные установки легли в основу идеологии и ряда отечественных политических организаций, заявивших о себе в 1990-е годы, в том числе РХДД, Русского национального собора, Социал-патриотического движения «Держава», Конгресса русских общин (КРО) и разного рода монархических группировок.

Левые (социальные) консерваторы продолжают иную традицию отечественной консервативной мысли, истоки которой восходят как к давней народническо-славянофильской идеализации крестьянской общины, так и к устряловскому национал-большевизму и «русской партии» в советском истэблишменте брежневской эпохи. Фундаментом русской цивилизации они считают не столько православие, сколько державные (этатистские) и солидаристские начала. Левые консерваторы прежде всего государственники; они постоянно подчеркивают, что «державность», сильное государство — стержень самобытной российской цивилизации, а то и главная для России ценность¹². Поэтому, с точки зрения социал-консерваторов, советский социализм (базирувавшийся, по их мнению, на традиционных русских общинно-коллективистских и этатистских установках) вполне вписывается в российскую традицию. СССР, полагают они, был такой же исторической Россией, как Московская Русь и Российская империя (а для некоторых из них — даже высшим достижением русской цивилизации). Другими словами, они хотели бы видеть в себе наследников и дореволюционной, и советской России.

¹² См., напр. Завтра. 1995. № 11.

Левые консерваторы, как правило, не отрицают, что советскому режиму были присущи некоторые негативные черты, но в целом их

отношение к нему скорее положительное. Несмотря на все свои минусы, советский проект, на их взгляд, соответствовал национально-государственным и духовным традициям России и был воплощением ее самобытности. Таким образом, социал-консерватизм в значительной мере является не столько *русским*, сколько *советским* консерватизмом.

Феномен левого, фактически социалистического консерватизма — хотя консерватизм и социализм на первый взгляд кажутся антиподами — несложно объяснить, если обратить внимание на то место, которое и в социалистическом, и консервативно-романтическом мировоззрении отводится «общине» (понимаемой и как крестьянский мир, и как органическое единство — *Gemeinschaft* в терминологии Ф.Тенниса). А в построениях русских консерваторов крестьянская община играла столь важную роль, что уже в силу этого отечественный консерватизм не мог не приобрести определенных социальных (или даже социалистических) черт. Один из современных национал-консерваторов утверждает даже — правда, как нам представляется, чересчур категорично, — что «русский консерватизм является консерватизмом левым, основанным на идеологии общины»¹³. Действительно, идеи общинного, славянофильско-народнического социализма, базирующегося на нравственных ценностях православия, довольно популярны среди отечественных консерваторов.

¹³ Холмогоров 2005: 232.

К числу теоретиков российского левого консерватизма можно отнести С.Г.Кара-Мурзу, А.И.Подберезкина, И.Я.Фроянова и С.Е.Кургиняна (отчасти). Рупором этого направления консервативной мысли является газета «Завтра», редактируемая А.А.Прохановым. Необходимо отметить, что левоконсервативная идеология оказала сильное влияние на «державно-патриотическое» крыло КПРФ, которое после воссоздания российской компартии в 1993 г. возглавили Г.А.Зюганов и Ю.П.Белов. Элементы социал-консерватизма можно найти также в идеологии ряда отечественных левопатриотических организаций. Так, некоторые левоконсервативные установки присутствовали в программных документах Российского общенародного союза, партии «Родина» и др.

Конечно же, разделение отечественного консерватизма на «правый» и «левый» достаточно условно, и эти два варианта консерватизма следует трактовать скорее как веберовские «идеальные типы». Кроме того, в отечественном консерватизме существует немало переходных направлений, сочетающих идеологические постулаты обеих указанных версий. Целый ряд российских консерваторов, не принимая национал-коммунистического «неославянофильства», в то же время не рассматривает советский период истории страны исключительно как «черную дыру». А часть сторонников национал-консерватизма склоняется к явно левым социально-экономическим воззрениям.

Рассмотрим более детально, чем различаются правая и левая версии отечественного консерватизма.

Уже из сказанного выше вполне ясно, что важнейшее расхождение между правыми и левыми консерваторами состоит в различной оценке советского прошлого. «Белые» консерваторы настаивают на том, что Октябрьская революция 1917 г. означала полный разрыв с отечественной историей, с российской политической и культурной традицией. С их точки зрения, коммунизм совершенно чужд России, он представляет собой доктрину, насильственно навязанную нашей стране радикальной интеллигенцией. Воплощение этой доктрины в жизнь привело к катастрофическим последствиям, к разрушению отечественных традиций, нравственно-религиозных ценностей, уклада жизни.

¹⁴ Солженицын 2004б: 77.

Так, Солженицын утверждал, что после Октябрьской революции 1917 г. «во всех областях культуры... последовательно вытравлялась вся русская традиция и русская история...»¹⁴. По мнению Аксютчица, «большевики разрушили основы великой русской цивилизации: Православие, монархию, государственность... Все, что составляло своеобразие и уникальность России, последовательно уничтожалось коммунистами. Таким образом, интернациональный коммунизм — это сила, наиболее враждебная исторической России»¹⁵. Правые консерваторы нередко обвиняют большевиков в том, что Россия была для них не более чем «вязанкой хвороста» для разжигания пожара мировой пролетарской революции.

¹⁵ Аксютчиц 1995: 15—16.

Что касается идейных истоков коммунизма, то правые консерваторы находят их прежде всего в Западной Европе — в якобинстве, в утопическом социализме и вообще в возникших в Новое время на Западе проектах радикальной социальной инженерии. Советский Союз, доказывал Панарин, «...строился по проекту, в котором соединились учения Мора и Кампанеллы, Оуэна и Сен-Симона, Маркса и Лассаля. Всех их объединяла идея рационально организованного общества, преодолевшего стихии природы и истории». Другими словами, как полагал философ, корни советского тоталитаризма надо искать не в особенностях русской ментальности или российских общинных традициях, а в западных социалистических учениях¹⁶. Соответственно, большевики воспринимаются правыми консерваторами как крайние, радикальные западники, а иногда и как «пятая колонна» Запада в его геополитической борьбе с Россией.

¹⁶ Панарин 2000: 18.

Абсолютно иначе Октябрьская революция 1917 г. и феномен коммунизма трактуются в рамках левого консерватизма. С точки зрения социал-консерваторов, Россия — это особый мир, самобытная цивилизация, в основе которой лежат общинно-коллективистские и этатистские («державные») начала. Для нее органичны ценности социальной справедливости, солидарности, коллективизма, соборности, взаимопомощи, поэтому русский народ едва ли не генетически предрасположен к социализму. Консерваторы этого направления видят в социализме не чужеродную для России доктрину, насильственно навязанную ей радикально-западной интеллигенцией, а органический продукт российской истории.

Неудивительно, что большевистская революция рассматривается социал-консерваторами не как разрыв с российской традицией, а, напротив, как ее восстановление и продолжение. На их взгляд, Октябрьская революция уничтожила в России элементы либерального капитализма и либеральной демократии, чуждые русским соборно-коллективистским установкам, и вернула ее на традиционный путь. Так, историк Фроянов подчеркивает, что Октябрьская революция была «русской потому, что она в соответствии с ментальными особенностями русского народа отвергла капиталистический путь развития страны...»¹⁷. В результате этой революции, согласно Фроянову, в России возникло своеобразное общественное устройство — социально ориентированный государственный капитализм, вполне отвечавший отечественным традициям государственного патернализма и этатизма, а также ментальности русского народа, «вечно ищущего правду на Земле и социальную справедливость»¹⁸.

¹⁷ Фроянов 2007: 54.

¹⁸ Там же: 145.

Таким образом, можно констатировать, что Октябрьская революция получает у двух течений отечественного консерватизма диаметрально противоположную оценку. Для правых она представляет собой переворот, осуществленный радикальной интеллигенцией, которая, стремясь претворить в действительность «самый заманчивый из проектов европейского модерна»¹⁹, уничтожила вековые русские традиции и жизненные устои. В свою очередь, левые консерваторы трактуют ее как революцию, направленную *против* существовавших в России в начале XX в. элементов модерна и сохранившую Россию (в форме СССР) в качестве традиционного общества.

¹⁹ Панарин 2000: 19.

²⁰ См., напр. Солженицын 1996: 234.

²¹ Ципко 2010.

«Белые» консерваторы, как правило, не отождествляют СССР с исторической Россией и не ставят знака равенства между понятиями «русский» и «советский», между русской и советской идентичностью (что характерно для консерваторов левых). Несовместимость «русскости» и «коммунистичности» подчеркивалась уже в публицистике Солженицына²⁰. Мало того, как полагает Ципко, в России еще не совершен «переход от советского сознания к российской исторической идентификации»²¹.

²² Ципко 2009.

В этих условиях едва ли приходится удивляться тому, что национал-консерваторы считают коммунизм абсолютно несовместимым с российским патриотизмом и не приемлют попыток их синтеза, предпринимаемых КПРФ и некоторыми теоретиками левого консерватизма. Негативно относятся они и к социально-философским построениям, выводящим коммунистический тоталитаризм из российской социокультурной матрицы, русских этатистских и коллективистских традиций. Подобные концепции, утверждает, в частности, Ципко, «опасны тем, что они не только сближают, но отождествляют русскость, православность со сталинщиной»²².

Совершенно по-иному смотрят на эту проблему консерваторы левые, в особенности те, что принадлежат к «государственно-патриотическому» течению в КПРФ. СССР воспринимается ими как историческая

Россия, а русская идентичность фактически отождествляется с советской. «Во второй половине XX века, — пишет Кара-Мурза, — русский народ существовал как ядро *советского народа*. Это факт, хотя и неприятный для наших „белых“ патриотов»²³. Соответственно, антикоммунизм/антисоциализм в рамках этой идейной парадигмы нередко приравнивается к русофобии. Социализм, полагают левые консерваторы, органичен для России прежде всего потому, что он является воплощением традиций и ценностей русской крестьянской общины. Это представление разделяется не только частью идеологов КПРФ (например, Беловым), но и социал-патриотами иных направлений.

²³ Кара-Мурза 2010: 208.

Абсолютно по-разному оценивается правыми и левыми консерваторами и фигура Сталина. Социал-консерваторы с их упором на сильное государство как важнейшую ценность русской цивилизации видят в нем в первую очередь «государственника», строителя великой империи, возродившего «идею державности — одну из коренных национальных русских идей»²⁴. А для национал-консерваторов Сталин — «„достойный“ продолжатель ленинского палачества, организатор раскрестьянивания и искусственного голода миллионов, гонитель христиан...»²⁵ и разрушитель традиционного русского уклада жизни как такового.

²⁴ Фроянов 2007: 67

²⁵ Осипов 1998: 116.

Как уже говорилось, «белые» консерваторы в большинстве своем русские националисты. При этом они подчеркивают, что русские являются в России государствообразующим народом, а свою цель обычно видят в том, чтобы «воссоздать и сохранить русский народ как единый национальный организм...»²⁶. Национализм же социал-консерваторов носит преимущественно «государственнический», имперский характер. Не случайно многие «левые державники» склоняются к евразийству, которое привлекает их не только отвержением евроцентризма и либерализма, но и тем, что евразийский национализм, то есть национализм евразийской многонациональной нации, в какой-то мере сходен с «советским патриотизмом».

²⁶ Манифест [1994]: 14.

В свою очередь, консерваторы православно-русского, неославянофильского направления относятся к евразийству чаще всего негативно. По мнению Аксючица, евразийцы не ощущают в России реального исторического субъекта — русского народа-государствообразователя и не воспринимают православие в качестве стержня русской культуры и истории²⁷. А в Манифесте КРО 1994 г. даже утверждалось, что евразийство «способно только отвлечь русских от собственных национальных задач, ослабить твердость русского духа...»²⁸.

²⁷ Аксючиц 2002.

²⁸ Манифест [1994]: 30.

Неудивительно, что отношение к распаду Советского Союза у двух направлений отечественного консерватизма было далеко не одинаковым. Конечно, Беловежские соглашения декабря 1991 г. и левые, и правые консерваторы восприняли весьма негативно — но акценты при этом расставлялись по-разному. Будучи прежде всего государственниками, левые увидели в демонтаже СССР крах державы, великой империи. Те из них, кто симпатизировал евразийству, расценили его как

разрушение евразийской цивилизации. Так или иначе, распад СССР означал для социал-консерваторов цивилизационную и геополитическую катастрофу.

Несколько по-иному смотрели на события конца 1991 г. национал-консерваторы. С их точки зрения, самое негативное в Беловежских соглашениях заключалось в том, что они перечеркнули надежды на создание союза православных славянских государств — России, Украины и Белоруссии, а также в том, что в результате роспуска СССР около 25 млн. этнических русских оказались гражданами «ближнего зарубежья». Кроме того, правые консерваторы ставили под вопрос легитимность границ новых независимых государств, доказывая, что они были волюнтаристски проведены Лениным и Сталиным²⁹.

²⁹ См. Аксютин 1995: 109.

Вместе с тем некоторые национал-консерваторы находили в распаде СССР и определенные положительные моменты. По их мнению, в Советском Союзе ресурсы Российской Федерации перераспределялись в пользу других республик, что вело к упадку центральных русских областей. Собственно говоря, идея провозглашения суверенитета РСФСР впервые была публично озвучена в 1989 г. писателем-почвенником Распутиным — и именно по этой причине. Многие правые консерваторы полагали, что если империя приносит вред благополучию русского народа, то от нее надо отказаться. «Нет у нас сил на империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель»³⁰.

³⁰ Солженицын 2004г: 364.

Часть консерваторов национально-патриотического направления с одобрением восприняла тот факт, что после 1991 г. суверенная Россия приблизилась к моноэтническому государству (поскольку доля русского населения в ней составляет около 80%). Так, после роспуска СССР Шафаревич писал: «...Россия в своих новых пределах может оказаться вполне жизнеспособной, куда крепче стоять на ногах, чем бывший СССР... Россия теперь этнически более однородна, чем Чехословакия, Бельгия, Испания или Великобритания. ...Мы освободились от ярма „интернационализма“ и вернулись к нормальному существованию национального русского государства, традиционно включающего много национальных меньшинств»³¹.

³¹ Шафаревич 1992: 3—4.

Соответственно, левые и правые консерваторы по-разному относятся к перспективам интеграции постсоветского пространства. Установки левых «державников» по этому вопросу обычно сводятся к постепенному восстановлению Российского государства в границах СССР, в то время как у национал-консерваторов этот неоевразийский проект вызывает немалый скепсис. По словам известного теоретика национально-патриотического направления К.Г.Мяло, в случае воссоздания Советского Союза русским придется вновь «тащить колесницу кому угодно, только не им принадлежащего государства»³². В связи с этим адепты правого консерватизма обычно настаивают на союзе России только со славянскими и православными республиками бывшего Советского Союза — Украиной и Белоруссией.

³² Мяло 1992: 103.

Стоит также обратить внимание на разницу в социально-экономических воззрениях правых и левых консерваторов. Правые консерваторы, как правило, признают частную собственность, частное предпринимательство и рыночную экономику, хотя и выступают против фетишизации собственности и богатства. Они позитивно оценивают столыпинские реформы 1906—1911 гг., создававшие условия для формирования в России значительной прослойки крестьян-фермеров и развития буржуазных отношений. В сущности, они — как и их предшественники, «классические» славянофилы, — стоят на либерально-консервативных позициях. Левые же консерваторы утверждают, что Россия органически несовместима с капитализмом, который противоречит соборным, общинно-коллективистским устоям русской цивилизации. Поэтому «консерваторы общины» по большей части тяготеют к этатистским экономическим моделям, предполагающим сохранение ключевых отраслей экономики в руках государства.

Таковы отличительные черты правого и левого направлений в российском посткоммунистическом консерватизме. Необходимо, впрочем, еще раз подчеркнуть, что данная классификация в какой-то мере условна. Иногда в построениях политиков и публицистов национал-консервативной ориентации обнаруживаются левые «ностальгические» мотивы, и наоборот. Существуют и «смешанные», эклектические версии консерватизма (хотя и они обычно тяготеют к правой или левой части политического спектра).

В частности, далеко не все национал-консерваторы разделяют безоговорочный антикоммунизм Солженицына или Аксютца. В их рядах есть и те, кого точнее было бы назвать не анти-, а *некоммунистами* и для кого характерно дифференцированное отношение к советскому прошлому. Некоторые консерваторы национально-патриотического направления разделяют представление о непрерывности исторического пути России и полагают, что СССР нельзя вычеркивать из российской истории. Так, даже в Манифесте КРО — организации, полностью отвергающей идеологию и практику коммунизма, — утверждалось, что русское национально-патриотическое движение «не может отбросить ни один из пройденных Россией исторических этапов как достойный забвения...»³³.

³³ *Манифест [1994]: 16.*

Россия и Запад

При всех различиях в установках между правыми и левыми консерваторами есть и много общего, а по ряду параметров их позиции практически совпадают. Прежде всего, все отечественные консерваторы отстаивают своеобразие России, ее самобытный исторический путь и фундаментальное отличие от Запада. «Православная Россия никогда не была частью западноевропейской цивилизации в тех ее аспектах, которые выросли на индивидуализме, философском рационализме и идейном багаже Французской революции», — этот тезис из декларации Социал-патриотического движения «Держава» А.В.Рущкого (1995 г.)³⁴

³⁴ *Цит. по: Верховский, Прибыловский 1996: 31.*

можно рассматривать как один из ключевых постулатов российского консерватизма.

Проблема «Россия и Запад» обычно сводится консервативными теоретиками к ряду противопоставлений: православная Россия — католическо-протестантский Запад; традиционное общество — технологическая цивилизация; духовность — культ материальных благ; соборность — индивидуализм и т.д. Используя терминологию немецкого философа О.Шпенглера, можно сказать, что современные российские консерваторы противопоставляют Россию как религиозную культуру Западу как материалистической цивилизации.

Но Запад воспринимается российскими консерваторами не только как принципиально отличная от России цивилизация; он выступает в их глазах и источником всевозможных угроз. Так, Нарочницкая пишет о многовековом глубинном неприятии Западом России в двух ее ипостасях: «как равновеликой Западу в целом геополитической силы и исторической личности с... собственным поиском универсального смысла мироздания — препятствия на пути сокращения многообразного мира, превращаемого сегодняшним мессианским проектом либеральной глобализации в культурную и экономическую провинцию англо-американского мира»³⁵. При этом нередко утверждается, что Запад был и остается враждебным по отношению к любой России — царской, советской и посткоммунистической — и холодная война велась не против коммунизма, а против России.

³⁵ Нарочницкая
2003: 214.

По мнению отечественных консерваторов, Запад постоянно стремится к экспансии, к насаждению своих ценностей и установлению «нового мирового порядка» — либерального, безрелигиозного и космополитического. В 1990-е годы стремление Запада к глобальной экспансии и навязыванию «общечеловеческих норм» описывалось отечественными консерваторами как «мондиализм», сегодня же чаще используется термин «глобализация», которая тоже трактуется ими как стремление Запада повсеместно насадить либеральные ценности и стереть своеобразие национальных культур.

При этом либерализм, ассоциируемый с Западом, представляется отечественным консерваторам несовместимым как с базовыми консервативными ценностями, так и с русским общественным идеалом. Для большинства отечественных консерваторов, как справедливо отмечает Н.В.Работяжев, либерализм — «это не философская концепция, обосновывающая необходимость ограничения власти государства и общества над индивидом, а проповедь экономического индивидуализма и нерегулируемых свободно-рыночных отношений, апологетика „компрадорской буржуазии“». Либерализм в такой трактовке предстает как угроза высшим ценностям российской цивилизации»³⁶. Так, в Манифесте КРО 1994 г. подчеркивалось, что безрелигиозный характер либерализма лишает человечество национальных корней и «превращает человека в раба материального достатка и собственных эгоистических устремлений»³⁷. А лидер Российского общенародного союза С.Н.Бабурин

³⁶ Работяжев
2009: 89.

³⁷ Манифест
[1994]: 38.

³⁸ *Бабурин 1999:*
447.

доказывал, в России слово «либерал» «всегда было ругательным и останется ругательным», так как либерализм в соединении с нигилизмом дал ту взрывоопасную смесь, которая разрушила и Российскую империю, и Советский Союз³⁸. Подобное восприятие либерализма характерно и для «белых» патриотов, и для левых «державников».

³⁹ *Кожин 1990:*
24.

Коль скоро Россия и Запад — фундаментально различные цивилизации, понятно, что пытаться «догнать Запад» или заимствовать там какие-либо социальные институты совершенно контрпродуктивно. «...Абсурдно представление, что можно кого-то „догнать“ на пути развития такой сложнейшей, выработанной веками и всем своеобразным бытием данного народа системы, как политический или экономический строй», — писал, в частности, писатель-«почвенник» В.В.Кожин³⁹.

⁴⁰ *Вехи 1990.*

Неудивительно, что западная интеллигенция, стремящаяся перенести в Россию западноевропейские институты и образ жизни, воспринимается консерваторами как виновница всех российских бед и потрясений. В качестве антинациональной и разрушительной силы рассматривают ее Солженицын, Шафаревич, Аксютин, Л.И.Бородин, Осипов и многие другие консервативные мыслители. Впрочем, критическое отношение к отечественной интеллигенции является давней традицией русского консерватизма. Еще в знаменитом сборнике «Вехи» философы либерально-консервативного направления обвиняли дореволюционную интеллигенцию в тех самых грехах, в которых нынешние русские консерваторы обвиняют интеллигенцию перестроечных и постперестроечных времен, — в антигосударственности, утопии, радикализме, беспочвенности, «отщепенчестве» и т.д.⁴⁰

⁴¹ *Отец б.г.*

С точки зрения отечественных консерваторов, реформы в России нельзя проводить по западным лекалам, они обязательно должны опираться на российскую социокультурную традицию. Так, противопоставляя хозяйственные реформы Столыпина «великим потрясениям» 1917 г. и 1990-х годов, Нарочницкая, в частности, отмечает, что и для большевиков, и для радикальных либералов характерно нигилистическое отношение к отечественному наследию, в поисках рецептов развития они копируют чужие сценарии и готовы ради кабинетных доктрин пожертвовать национальными интересами страны. Столыпин же, по ее утверждению, стремился «реформировать страну... не трогая при этом национальной, корневой сущности нашей цивилизации»⁴¹.

Государственное устройство России

Как уже неоднократно подчеркивалось, отечественные консерваторы являются «державниками», а сильное государство было и остается одной из ключевых ценностей русского консерватизма. Обосновывая необходимость возрождения российской государственности, Аксютин в середине 1990-х годов доказывал, что «без независимого и сильного государства невозможно ни процветание экономики, ни обуздание преступности, ни культурное возрождение», ибо только мощное госу-

⁴² Аксютца, 1996.

дарство способно сохранить уникальную российскую цивилизацию и защитить все народы страны перед лицом грядущего жестокого передела мировых ресурсов⁴². В сущности, в этих словах лидера РХДД выражена самая суть отношения российского консерватизма к государству. Позднее к консервативным аргументам в пользу мощного государства добавился еще один: только сильная Россия сможет эффективно противостоять глобализации, угрожающей ее цивилизационной самобытности.

⁴³ См., напр. Декларация 1996: 105.

Однако по вопросу о том, какое государственное устройство оптимально для России, среди консерваторов нет консенсуса. По мнению, например, Солженицына и Аксютца, Россия должна быть президентской республикой с широкими полномочиями главы государства и развитым местным самоуправлением. Вместе с тем еще в позднеперестроечные времена заявили о себе монархисты, утверждавшие, что наиболее органичной для России является монархия, а республиканско-демократическое государственное устройство не соответствует российским традициям и национальному менталитету⁴³. И хотя политическое влияние монархистов в посткоммунистической России близко к нулю, к идее монархии с большим пиететом, как правило, относятся даже те национал-консерваторы, которые принимают республиканскую форму правления.

Будучи сторонниками сильного централизованного государства, российские консерваторы не испытывают особых симпатий к федерализму, тем более к федерализму в той форме, какую он принял в нашей стране в 1990-е годы. Исторически идеалом отечественных консерваторов остается «единая и неделимая Россия» — унитарное государство с развитым местным и региональным самоуправлением и наличием национально-культурной автономии. Существование в составе России национальных республик не укладывается в рамки консервативного мировоззрения. Неудивительно, что в 1990-е годы отечественные консерваторы резко критиковали складывавшуюся тогда в России модель асимметричного федерализма. В первую очередь их протест вызывало привилегированное положение национальных республик по сравнению с областями, в котором они усматривали дискриминацию русского народа. Важнейшим требованием консервативных организаций тех лет было уравнивание в правах всех субъектов РФ.

Социально-экономические воззрения отечественных консерваторов

Говоря о различиях между правым и левым крылом российского консерватизма, мы уже вкратце касались экономических взглядов отечественных консерваторов. Тем не менее этот вопрос настолько важен, что заслуживает более подробного рассмотрения.

Социально-экономические воззрения «белых» консерваторов формировались под сильным влиянием славянофилов и Ильина и представляют собой, в сущности, социальную проекцию православия. Экономическим идеалом национал-консерваторов выступает социаль-

ное рыночное хозяйство, соединяющее принципы частной собственности и конкуренции с социальной ответственностью собственника, солидарностью участников экономического процесса и христианской справедливостью.

Для представителей правого направления в отечественном консерватизме частная собственность — неотъемлемое право человека, она «утверждает человека как свободную личность... вызывает духовные мотивы для напряженного труда, высвобождает творческую инициативу и хозяйственную предприимчивость»⁴⁴. В то же время они ни в коей мере не являются сторонниками классического капитализма и либерального индивидуализма. С точки зрения, например, Ю.М.Бородай, религиозно-этические основания западного капитализма и дореволюционной русской экономики совершенно различны. Либеральный капитализм, полагает он, — исключительно западный феномен, выросший на почве протестантской этики и поэтому неприемлемый в православной России⁴⁵. Левые же консерваторы отвергают капитализм прежде всего потому, что он в корне противоречит общинным, коллективистским началам русской жизни.

⁴⁴ Декларация 1990.

⁴⁵ Бородай 1990.

В консервативном лагере существует большой разброс мнений относительно того, какое сочетание государственной и частной собственности, государственного регулирования и рыночной конкуренции было бы оптимальным в российских условиях. При этом сторонники право-консервативного направления, как правило, готовы предоставить гражданам большую степень экономической свободы, чем «консерваторы общины» и «державники», для которых на первом плане стоят государство и его интересы или достижение общинно-уравнительной справедливости.

В консервативном лагере существует большой разброс мнений относительно того, какое сочетание государственной и частной собственности, государственного регулирования и рыночной конкуренции было бы оптимальным в российских условиях. При этом сторонники право-консервативного направления, как правило, готовы предоставить гражданам большую степень экономической свободы, чем «консерваторы общины» и «державники», для которых на первом плане стоят государство и его интересы или достижение общинно-уравнительной справедливости.

Но, несмотря на все расхождения между национал- и социал-консерватизмом, экономическим воззрениям российских консерваторов присущ целый ряд общих черт. В их числе: ориентация на смешанную экономику, включающую государственный сектор, частные и кооперативные предприятия; признание необходимости активного государственного регулирования экономики, поддержки отечественного производителя и ограничения допуска в страну иностранного капитала; безусловно критическое отношение к международным финансовым институтам (МВФ, Всемирному банку). Помимо того, отечественные консерваторы единодушно выступают за возрождение русского крестьянства, в котором видят хранителя народного духа и традиций. Характерной чертой экономических воззрений российских консерваторов является и негативное отношение к проведенным в нашей стране в 1990-е годы «радикально-либеральным» реформам.

Следует также отметить, что для всех течений отечественного консерватизма неприемлемо представление о человеке как о homo oeconomicus, эгоистическом индивиде, стремящемся только к максимизации личной выгоды. По мнению консерваторов, любая человеческая деятельность, в том числе и хозяйственная, должна быть подчинена

высшим религиозно-нравственным целям. Такой взгляд на экономическую активность неразрывно связан с социальным учением православия — ведь христианство, как писал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, рассматривает труд не как средство приобретения богатства, а как религиозное служение, в чем и состоит его нравственное содержание⁴⁶.

⁴⁶ Иоанн б.г.

В консервативных кругах весьма популярна концепция «русской модели экономики», органичной для нашей страны и принципиально отличающейся от западноевропейской. К ключевым особенностям «русского пути» отечественные консерваторы обычно относят широкое развитие артельно-кооперативных начал, важную роль государства и приоритет моральных стимулов к труду. О превосходстве русской православной модели хозяйствования над западной рыночно-капиталистической писали, в частности, такие известные представители отечественного консерватизма, как С.Ю.Глазьев и Нарочницкая⁴⁷.

⁴⁷ Подробнее см. Ципко 2009.

Бюрократический консерватизм

Выше уже упоминалось, что в 1990-е годы в России возникла еще одна версия консерватизма — номенклатурный, или бюрократический, консерватизм. Эта версия консерватизма, ставшая ныне доминирующей, принципиально отличается и от правой, и от левой его разновидности и имеет совершенно другие истоки. Номенклатурный консерватизм — это, в сущности, идеология тех группировок постсоветской бюрократии, которые в той или иной степени разделяют государственно-патриотические установки и стремятся опереться на отечественную национально-государственную традицию.

Возникновение бюрократического консерватизма связано с постепенным отходом российской правящей элиты от радикально-либеральных установок образца 1991—1993 гг. Этот идеологический сдвиг объясняется несколькими факторами.

К середине 90-х годов прошлого века существенная часть населения России разочаровалась в результатах «шоковых» реформ и отторгла навязываемую ему «либеральную» (точнее, квазилиберальную) идеологию. Уже тогда в массовом политическом сознании стал возникать запрос на консервативные ценности — стабильность, порядок, социальный патернализм. Политическая элита, разумеется, не могла не реагировать на эти перемены.

Кроме того, любому правящему классу от природы присуща консервативная тенденция; вполне естественно и его стремление придать своей власти дополнительную легитимность за счет опоры на национально-государственную традицию. Наконец, значительные сегменты российской бюрократии, в первую очередь региональной, по своим психологическим установкам и мироощущению тяготеют и тяготеют скорее к консерватизму, чем к либерализму.

Можно выделить целый ряд различий между правым и левым консерватизмом, с одной стороны, и бюрократическим, с другой.

1. Партии и объединения как православно-русской, так и социально-консервативной ориентации возникали в 1990-е годы спонтанно, они были результатом самоорганизации консервативно настроенных граждан. Партии же номенклатурно-консервативного толка (НДР, «Отечество», «Единая Россия») создавались «сверху», действующей властью, при использовании ее организационных и финансовых ресурсов.
2. «Спонтанный» консерватизм опирался на давнюю традицию отечественной консервативной мысли, он был укоренен в «правом диссидентстве» или национал-коммунистическом «неославянофильстве» брежневской эпохи, тогда как связь бюрократического консерватизма с российской консервативной традицией является довольно слабой.
3. В 1990-е годы, да и в первые годы XXI в., и национал-, и социал-консерваторы находились в жесткой оппозиции к проводимым властями реформам. Консерваторы номенклатурные результаты преобразований 1990-х годов — с теми или иными оговорками — принимают.
4. В отличие от других версий отечественного консерватизма, бюрократический консерватизм не склонен к ретро-утопизму, к ностальгии по временам Российской империи или Советского Союза; он делает акцент прежде всего на позитивных возможностях сегодняшнего дня и стремится к сохранению status quo. Этим он сходен с современным западным консерватизмом, тоже отвергающим любой утопизм — и ретроспективный, и прогрессистский — и предпочитающим «радоваться настоящему, а не прошлому или будущему»⁴⁸.
5. Номенклатурному консерватизму (опять же в противовес большинству других версий отечественного консерватизма) в целом не свойственно антизападничество, хотя определенные аспекты политики США или Евросоюза в его рамках могут подвергаться критике.
6. Бюрократическому консерватизму совершенно чужд русский национализм, и в документах всех номенклатурно-консервативных партий подчеркивается многонациональный характер Российского государства.

Специфика бюрократического консерватизма заключается в том, что он принимает (по крайней мере, декларативно) многие из либерально-демократических установок (рыночную конкурентную экономику, демократическое правовое государство, права и свободы человека, федерализм), но при этом стремится увязать их с российской национально-государственной традицией и постулатами консерватизма, отстаивая такие консервативные ценности, как патриотизм, традиция, сильное государство, стабильность, порядок, и выступая за самобытный путь России, против любого радикализма и социальных экспериментов. Очевидно, что подобная двойственность взглядов заметно

⁴⁸ Оукиот 2002: 65.

отличает номенклатурных консерваторов как от отечественных либералов-западников, так и от национал- и социал-консерваторов с их антилиберальным пафосом.

Какие же консервативные постулаты вошли в идейный багаж бюрократического консерватизма?

Уже в программных документах НДР, созданного к парламентским выборам 1995 г. в качестве «партии власти» и возглавлявшегося тогдашним премьер-министром РФ В.С.Черномырдиным, присутствовал целый ряд консервативных идеологем. «Движение считает основой своей деятельности сочетание преемственности и обновления, — говорилось в программе НДР 1995 г. — Мы относимся к традиции как к универсальной и непреходящей ценности, отвергаем навязывание схем, проведение над страной и ее народами экспериментов...»⁴⁹

⁴⁹ Программа 1998: 278.

Приверженность ключевым постулатам консерватизма декларировало и образованное в 1998 г. движение «Отечество» во главе с Ю.М.Лужковым и Е.М.Примаковым. В числе основных ценностей «Отечества» фигурировали просвещенный патриотизм, опора на традицию, умеренный этатизм. При этом лидеры и идеологи движения подчеркивали совместимость этих консервативных ценностей с либеральными, сильного государства — со свободой, национальных традиций — с демократией и правовым государством⁵⁰.

⁵⁰ См. Владиславлев 1999: 9—11.

Существенным компонентом идеологии «Отечества» была также жесткая критика отечественных либералов, фактически совпадавшая с той, какую обрушивали на них национал-консерваторы. «У российских либералов, — писал, например, один из видных деятелей движения А.П.Владиславлев, — принцип „священной частной собственности“ не подкреплен ценностями государства, семьи, религии, нации, традиций. Напротив, российские либералы, как и левые большевики, объявили священную войну своему государству, его традициям, национальным ценностям. Им вообще... чужда государственническая, национальная идея... Они живут идеями и теориями, не имеющими отношения к жизни, тем более к нашей, российской»⁵¹.

⁵¹ Там же: 5.

Наконец, консервативные постулаты и ценности занимают важное место в программных документах нынешней «партии власти», четко позиционирующей себя в качестве консервативной силы. Так, в программе «Единой России» 2007 г. отмечается: «Наша стратегическая цель — строительство России как великой державы на основе исторических традиций и самобытных культурных ценностей ее народов, лучших достижений мировой цивилизации»⁵². При этом подчеркивается, что «Единая Россия» стремится к качественному обновлению страны на принципах «суверенной демократии», которая, в сущности, представляет собой консервативный концепт. По мысли создателей этой доктрины, суверенная демократия предполагает, что демократическое строительство в России должно быть не копированием западных моделей политического устройства, а «автономным творчеством, соединяющим

⁵² Предвыборная программа 2007.

⁵³ Иванов 2009: 110—111.

базовые демократические институты и практики с культурной спецификой, национальными особенностями, историческим опытом России»⁵³. А ведь упор на российскую самобытность и недопустимость механического копирования зарубежных институтов является одной из отличительных черт отечественного консерватизма.

⁵⁴ Грызлов 2009.

Показательно, что, по словам председателя Высшего совета партии Б.В.Грызлова, модернизация страны, к которой призывает «Единая Россия», должна быть «основана на консервативных ценностях. Это патриотизм, семейные ценности, историческая память, уважение к традициям, здоровая и растущая нация, гарантии частной собственности, уважение к закону»⁵⁴. Таким образом, идеология «Единой России» также полностью вписывается в рамки бюрократического консерватизма.

* * *

Подводя некоторые итоги, отметим, что в течение 20 лет посткоммунистического развития в России наблюдалось постепенное, но неуклонное вытеснение «низового» консерватизма бюрократическим. В начале 1990-х годов на российской политической сцене наиболее важную роль играл «спонтанный» консерватизм, представленный такими организациями, как РХДД, Русский национальный собор, Российский общенародный союз и др. Первая попытка создать консервативную партию «сверху» была предпринята властью в конце 1993 г.; ее результатом стало появление Партии российского единства и согласия, которая, впрочем, стремилась копировать скорее западный консерватизм. Однако уже во второй половине 1990-х годов наметилась четкая тенденция к усилению влияния бюрократического консерватизма, связанная с общим усилением влияния чиновничества на российский политический процесс. В настоящее время номенклатурный консерватизм «Единой России» является доминирующей версией отечественного консерватизма, тогда как все иные консервативные партии и организации оттеснены на обочину политической жизни⁵⁵. Тем не менее это отнюдь не отменяет того факта, что посткоммунистический российский консерватизм — гораздо более сложный и многозначный феномен, чем идеология нынешней «партии власти».

⁵⁵ *Элементы социал-консерватизма сохраняются, правда, в идеологии КППФ.*

Библиография

- Аксючиц В.В. 1995. *Идеократия в России*. — М.
 Аксючиц В. 1996. В поисках национальной идеи // *Независимая газета*. 23.07.
 Аксючиц В. 2002. Идеологический бульон из миражей и мифов // *Независимая газета*. 5.06.
 Бабурин С.Н. 1999. *Российский путь: накануне выбора*. — М.
 Бородай Ю. 1990. Почему православным не годится протестантский капитализм // *Наш современник*. № 10.

- Верховский А.**, Прибыловский В. 1996. *Национал-патриотические организации в России*. — М.
- Вехи:** *Сборник статей о русской интеллигенции*. Репринтное издание 1909 г. 1990. — М.
- Владиславлев А.** 1999. *С верой в себя и в Россию: Об идеологии «Отечества»*. — [Б.м.].
- Грызлов Б.В.** 2009. Сохранить и приумножить: консерватизм и модернизация // *Известия*. 01.12.
- Декларация** Всероссийской партии монархического центра. 1996 // Верховский А., Прибыловский В. *Национал-патриотические организации в России*. — М.
- Декларация** Российского христианского демократического движения. 1990 (http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0075/01.htm).
- Иванов В.** 2009. *«Единая Россия»: Краткая история партии*. — М.
- Ильин И.А.** 1992. *Наши задачи*. Т. 1—2. — М.
- Иоанн**, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. *Чтущий да разумеет...* (<http://www.mprcentre.ru/position/russia>).
- Кара-Мурза С.Г.** 2010. *Кто такие русские*. — М.
- Кожин В.В.** 1990. *Судьба России*. — М.
- Манифест** возрождения России. [1994]. — [Б.м.].
- Мяло К.Г.** 1992. Есть ли в Евразии место для русских? // *Наш современник*. № 9.
- Нарочницкая Н.А.** 2003. *Россия и русские в мировой истории*. — М.
- Осипов В.Н.** 1998. *Русское поле*. — М.
- Отец непопулярных реформ: Опыт Петра Столыпина может помочь в обновлении российской экономики** (<http://www.izvestia.ru/hystory/article3147477/>).
- Оукшот М.** 2002. Что значит быть консерватом // Оукшот М. *Рационализм в политике и другие статьи*. — М.
- Панарин А.С.** 2000. *Искушение глобализмом*. — М.
- Предвыборная программа партии «Единая Россия»**. Принята VIII съездом партии «Единая Россия» 1 октября 2007 г. (<http://er.ru/rubr.shtml?110099>).
- Программа** ВООПД «Наш дом — Россия» (утверждена 2-м съездом НДР 2 сентября 1995 г.). 1998 // Абрамов Ю.К., Головина Т.Ю. *Политические партии и движения России*. — М.
- Путин В.В.** 1999. Россия на рубеже тысячелетий // *Независимая газета*. 30.12.
- Работяжев Н.В.** 2009. Консервативная геополитическая мысль в России: преемственность и обновление // *Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки*. № 5.
- Сергеев С.М.** 2010. По ту сторону красного и белого // Сергеев С.М. *Пришествие нации?* — М.
- Солженицын А.И.** 1996. *Бодался теленок с дубом*. — М.

- Солженицын** А.И. 2004а. На возврате дыхания и сознания // Солженицын А.И. *На возврате дыхания*. — М.
- Солженицын** А.И. 2004б. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А.И. *На возврате дыхания*. — М.
- Солженицын** А.И. 2004в. Образованщина // Солженицын А.И. *На возврате дыхания*. — М.
- Солженицын** А.И. 2004г. Как нам обустроить Россию? // Солженицын А.И. *На возврате дыхания*. — М.
- Соловьев** Э.Г. 1997. У истоков российского консерватизма // *Полис*. № 3.
- Струве** П.Б. 1999. Прошлое, настоящее, будущее // Струве П.Б. *Избранные сочинения*. — М.
- Устрялов** Н.В. 2003. *Национал-большевизм*. — М.
- Фроянов** И.Я. 2007. *Уроки Красного Октября*. — М.
- Холмогоров** Е. 2005. *Русский проект: Реставрация будущего*. — М.
- Ципко** А.С. 2009. Русские устали жить на надрыбе // *НГ-Политика*. 15.09.
- Ципко** А.С. 2010. Революция 1991 года теряет почву под ногами // *Независимая газета*. 22.09.
- Шафаревич** И.Р. 1992. Россия наедине с собой // *Наш современник*. № 1.
- Шестаков** С.А. 2003. *Политический консерватизм в постсоветской России*. — М.